

Интернет - журнал

Время

№ 3

Ноябрь 2010

РУБРИКА «ГОСТЬ»

Сага о рыжих

Облизав напоследок измазанный в варенье палец, Лисенок заглянул в банку и вздохнул. Потом почмокал губами, и еще раз глубоко, затажно вздохнул. Вздыхай – не вздыхай, а варенью пришел конец. А значит, и блаженству тоже. Лисам это не по нраву.

Нет, так не годится. Где это видано, чтобы основательный роман, или повесть, или, на худой конец, рассказ, начинались с полуслова, с какого-то дурацкого варенья и животного с невнятной самоидентификацией. Пальцы у него, видите ли. А лапы не хочешь? Значит, начать следует так: «Жил-был Лисенок. Был он худой и рыжий весь, только на маковке белая прядочка. Очень любил варенье, поскольку слаще ничего не едал, а жить в детдоме не любил, поскольку жил там, сколько себя помнил».

Вот такая невеселая сказочка получается. Почему в детдоме, спросите? Папа с мамой бросили. Или померли. Что, в принципе, для маленького одно и то же. Почему Лисенок? Тут ты кричишь – стоп, я сам догадаюсь! Потому что мальчик. Рыженький! А фигу тебе. Не мальчик – девочка.

Маечка у Лисенка нефуфловая. Черная с белой ладонью во весь живот. Он сегодня в семью ходил. Директриса передовая их на выходные в семьи устраивает, типа «по обмену», только кто ж на казенное сменяется, дураков нет. Но варенье у них вкусное. Лисенку ржачно – они на шоколадках экономят, а варенья трескаться дают от пуза. У него пузо резиновое, он зараз столько съест, дешевле шоколадку купить.

Сегодня Геральт-из-Ривии исчез. Он был тощий, длинный, черный как галка, а рожка бледная и взгляд нехороший. Вот нельзя, нельзя ночью по коридорам шастать, надо слушать нянечку Фаню, она худа не пожелает. Лисенок приговорил затыренную с обеда конфетку. У него с утра настроение не очень. Положив руки на решетки, костлявые ладони на облезлое железо, смотрел вдаль над крышами домов и сараев.

Моя душа рвется ввысь. Ввысь или вдаль – не все равно ли, прочь, прочь из этого брэнного тела. Кажется, это длится уже так изрядно, что можно отчаяться...но! Надо всего лишь найти Дверь. Такая маленькая скромная задачка...

...не-е, спать в блоке сегодня не канает. Лисенок, пожалуй, сдрызнет. Директриса не узнает, а значит, не накажет. Лопатка зачесалась в предчувствии ремня...лупи кого попало, но только не меня.

Город знаком «с изнанки». Все подворотни, грязные булочные и молочные, пивнухи, подъезды. До подвалов и свалок не опускаемся. С ихним населением даже поговорить не о чем. Я лучше булочку вон у той тети стрельну. Жалостливая «стори» добавит ей адреналинчику в благополучную постную жизнь. Все-таки я слегка извращенец...

Дел много у Лисенка. По пути поел. Булочку, пельменями в «Закусочной» поделились. На очереди обшмон полов под кассами в супермаркете. Так можно и на чупа-чупс нахилать. Но монеты стоило сурово заначить – там, куда он шел, не стоило брэнчать свободными деньгами.

...Дверь в полуподвал была, как всегда, в рваном дермантине. Сидеть возле, обтирая курткой сырую плесень косяка. Нюхать в щель. Привыкать заново. Экстрим.

Лисенок вздохнул и начал толкать дверь. Толкал-толкал. Втолкнул в темный коридор. Спустился, нашел ощупкой тумбочку с плиткой – ничего не менялось в Датском королевстве.

- Кто там? – на пороге комнаты, подсвеченная сзади «лампочкой Ильича», появилась женщина. У-у, какая! Она Лисенку хорошо известная.

- Дана, это ты? – голос зыбко поплыл. Ты ей не верь, если «крышак» не хочешь упустить.

- Ты зачем опять здесь? – женщина, отступив вглубь комнаты, двигала дрожащей рукой книги на покрытом драной газеткой столе. Нервно закурила, затягиваясь все глубже. – Ты зачем здесь? Неприятностей хочешь? Смерти моей хочешь?

- Да я тебе курить принесла. Во, гляди, на «Приму» хватило. И чаю. Выкинь уже пенициллин из чайника. – Лисенка ломало говорить о себе в женском роде. Лисенок – он Лисенок и есть. Женщина зябко вздрогнула, плотнее кутаясь в рваную шаль. Помягчала.

- Я не готовила сегодня.

Да ты, блин, никогда не готовишь. Вот новость! Ты даже лучше не пытайся.

- Помыться бы...?

Лисенку в душе по кайфу. Переминаясь по бетону под стружкой тепловатой воды, он даже пел громко и фальшиво. Комиксы старые под матрасом пылятся. За неимением простыни – полотенцем накрытым.

Эта очкастая худая женщина с хвостиком грязноватых волос – мать. И она тоже – мать! Заблудшая душа, томящаяся в закоулках вселенского маразма. Не злись, Лисенок. Болтай себе розовыми пятками с черной каемочкой. Пусть тебе будет хорошо.

До чего же прикольно! Лисенок любит комиксы смотреть. Он в них верит. Ему кажется, что его вера двигает горы. Вот недавно было – медсестра не то лекарство Колюне вколола, и сама на шприц накололась, потому, что Лисенок о ней плохо подумал! Он – как Бэтмен, всегда один и всегда за наших. Так что его аж прет и уносит, во как мечтается...лучше, чем наяву.

- Данка, спать пора, доченька. – Мать за столом, лампу прикрыла, как в далеком детстве. Качает головой, книгами обложилась, что-то пишет. Лисенок прижался на кровати, щекой к ладошке, ладошкой к подушке.

- Мам, эт чего? Кандидатская?

- Да-да, Данюша, мне совсем немного осталось. Еще две главы – и можно список литературы готовить. Ты потерпи. Потом гулять пойдем, на аттракционы.

Пиши-пиши. Ты уже лет десять ее малюешь. Лисенок эту кандидатскую ненавидел. Она у него все отняла – и жизнь, и мать. Но и любил – когда мать ее писала, вот так качая головой и прихлебывая чай из граненого в подстаканнике, было уютно лежать и грезить, засыпая.

Так-так. Две Двери – и обе наглухо. Не то, не то, лежи, Лисенок, спи-наслаждайся.

Эй ты, богатенький мальчик, чего пялишься? У Лисенка тоже все ништяк, он тоже упакован – будь здоров, не кашляй, джинсы черные, кроссовки белые. У него тоже мама есть и папа есть – по определению. Так что голова у нас гордо поднята, рот чупа-чупсом занят, руки в карманах.

Черт, он подошел-таки к ней! Вот незадача, вот уж некогда. Нам торопиться надо, а то директриса подъедет и начнутся неприятности на хитрую лисью попу.

- Эй, рыжая, ты потеряла?

- Сам рыжий! – Лисенок выхватил из чужих цепких пальцев потрепанный драгоценный журнал, который нес Машке, чтобы задобрить. Они посмотрели друг на друга и засмеялись.

- Сам ты рыжий!

- Меня Толей зовут. А ты кто?

- Я – Лисенок.

Умение гнать пургу – завидная участь. Он расскажет этому Незнайке про андеграунд. Пиная кроссовком палую листву. Желтый лист на бульваре. Вон там кафушка недорогая, пошли? Лисенок ест, обжигаясь, горячий жульен в маленькой сковородочке. Смеется. Мальчик – зайчик, развели тебя, как лоха.

Директриса на машине – Лисенку радость. Значит, ненадолго. Значит, не до него. Лисенок на уроки не пойдет. Он учиться не любит, читать – тоже. Только комиксы смотреть. К телику – то пускают отличников-хорошистов! На, Машка, журнальчик, погляди картинки, да не говори никому, что меня здесь ночью не было. А-а, уже сказала? Ну и дура.

Одномерность сознания, тесная, как карман. стыдно залезать в чужой карман. А вам не стыдно? Я пробиваю головой небеса за небесами – но они картонные, и над ними – потолок. Выход не там. Ищи.

А Лисенку так-таки не повезло. Он в карцер загремел. Но не успел даже хлебца похавать, как директриса позвала. Черт, Фаня!!! Ногти постриги, всю шкурку продырявила! Директриса в кабинете сидит. Небо и земля – кабинет и остальное. Там – стены цвета горчицы и решетки на первом этаже. Тут – белые панельки и ноутбук.

-Ты! – Пальцем тычет наманикюренным, острым как нож, глаза в прищуре – острые, как бритвы. – Отбегалась, паршивка! У меня Муса давно такую просил! Будешь в подвале джинсы строчить! Иди шматье собирай, гадюка!!!

-Эй, стоп-стоп, повествование! Что-то за событиями не угонишься. Время закиселилось, втянув людей, как мух. Вон, на стене картина подвешена – аккуратно над директрисой, подойдем, посмотрим. Все, как полагается – море зеленое, пена белая, корабль, паруса алые. Чем не Дверь? Но нет, и здесь не откроется. Нарисовано без души. Чтоб ступить на палубу, одного желания мало, вдохновение нужно. Ну не вдохнул художник жизнь в свое творение, поскольку не Творец, а ремесленник. Не стреляйте в тапера – он играет, как умее. Идем дальше.

-Лисенок себе пятнадцать минут выпросил. Вещички покидать, то-се, с Машкой попрощаться. А на деле у него уже все давно прикормлено. Машке леденец на палочке сунуть, чтоб рот и руки заняты были. Решетку выставить – дело плевое, Лисенок над этим месяц работал. Главное – уйти успеть. Ух, он и дунул! Как только ноги не оторвались!

Толяна следовало в школьном дворе у фонтана караулить. Лисенок звонки ненавидел. Вона, побежали, как тараканы из-под тапка – младшеклашки, середнячки, балбесы великовозрастные. А-га, Толик-Толик-алкоголик! Он с друзьями. Облом. А впрочем – почему облом? Тут дело жизни и смерти!

Лисенок так и сказал, подойдя к их банде – дело жизни и смерти. Они выпендрились, чего-то сказанули, но он не встрял, только вежливенько «направил» ботаников – огород сажать. Спросил у Толяна денег – все, сколько есть.

У Толяна денег не было. Но он обещал достать. А взамен – пусть Лисенок колется, зачем ему баблишко. А Лисенку не жалко, он за базар денег не берет. То есть, раньше не брал.

Они присели на подоконник в вестибюле метро. Лисенок Фанту выпил, чипсы съел и начал рассказывать. Помогая себе жестами. Ему нравилось, как руки выписывают замысловатую вязь, дергая за ниточки Мироздания.

Черт! Что это дрогнуло? Там, где обосновалась эта странная парочка – прошла рябь по воздуху, словно смазалась картинка на экране...дрогнуло и утихло. Успокоилось.

А Лисенок прервал рассказ. Он так часто делал – на самом интересном месте, в нужный момент. Вон, Толик уже повелся, продолжения требует. Но это не годится. Лисенку денег нужно, ему уехать нужно, быстренько-скоренько, а то найдут и в подвал кинут – джинсы строчить. Но Толику он врет, что подслушал случайно секреты наркоторговцев, и его почти схватили, когда он шел в родную милицию доблестно сдать всю подлую шайку.

Вот! Опять дрогнуло, поплыло маревом....Посмотри в глаза мальчишке – они только одни и живут в мире, откуда исчезло остальное. Жадные, ждущие, наивно распахнутые.

Бли-ин, сорвалось! Почудилось, что вот оно, нащупал ниточку. И так все позорно сорвалось. Обычное плоское вранье, которым балуется каждый первый. С собой в главной роли. Нет, и здесь не откроется. Совсем нюх потерял.

Лисенок радостный. Они идут к Толиковому дому. Вот сейчас предки ему денежек дадут, на что там он соврет, и Лисенок махнет, пожалуй, на Алтай, в коммунары. Нет, не те, что с винтовками против богатых, а те, что без города и с лопатами. Клево! От радости он трещит без умолку, сам не замечая, что снова машет руками, а воздух вокруг густеет, и лица прохожих зажигаются и гаснут, как фонари. Весело говорит – зажигаются, грустно – гаснут, еле ноги волочат, будто кто из них жизнь высосал.

Но предки денег не дали. И еще посоветовали Толику не якшаться со всякими там...непонятной социальной принадлежности. Толик вылетел из дома растрепанный, и предложил поехать к деду на Маяк – он там смотрителем работает. А потом он что-нибудь придумает, поускай Лисенок не беспокоится.

Пошли рядом, ровненькие, как две свечечки. Рыжие, гордые. Упрямые.

Мне надо в Дверь. Надо ее не просто нащупать, надо ее трясти, пинать, и открыть, в конце концов. Я устал в этом теле. Как на поводке собака, на привязи – лошадь, вроде свободен, ан дерг – и натянулось. Ну бывает же несчастный случай на дороге? Так и здесь – на шоссе Мироздания случился наезд, водитель и пешеход контужены. Эй, товарищи, я не Ангел, я не буду пускать сопли пузырями и в умилении приносить на алтарь собственное «Я». Муравей должен жить в муравейнике. Я тяну за ниточку...очень нежно, почти любовно, боясь – оборвется, боясь – не угадал.

Деда классный у Толика. Рыбой накормил, раскладушку поставил, сам в город подался – за товарами, говорит. Бытового назначения. А Толика за себя оставил. Толик умеет.

Толику дальше про лисячью жизнь послушать охота! Он готов не есть, не пить и не спать. Они поднимаются на самую верхотуру, стелют одеяло на полу и садятся смотреть, как убегает вдаль лунная дорога. Рыбы со звездами плещутся наперегонки, и звезды побеждают. Ветер нежно треплет свежей ладонью по щеке, а камень нагрет и отдает тепло. Слушай, слушай, Толик, великую сагу о Рыжем Лисенке.

Я затаил дыхание. Мое ли? Не все ли равно! Я создал все условия. Я загнал вас на голубятню. Я весь дрожу от нетерпения, как гончий пес. Я тяну ниточку...

Девочка моя! Сознаешь ли ты, какая сила Слова вложена в тебя Провидением? Это уже не туман, не марево – ЭТО может сдвигать горы, рвать полотно реальности, смещать и смешивать – и наносить яркими мазками, рисуя новое Солнце над просыпающейся Землей. Сила Творца...о люди, выдумавшие Рагнарек и отгородившиеся от него словом «когда»! «КОГДА Волк Фенрир пожрет Солнце, и все боги пойдут в последнюю битву, ТОГДА настанет конец всему...» Когда – тогда...только при таком условии. Зачем торгуетесь? Оглянитесь – ваш Рагнарек всегда с вами. Вы – Творцы. Тяну за тоненькую ниточку...

А Дана распахнула глаза, и, запрокинув голову, задыхаясь, из последних сил шептала слова, и шептала, тянула их, словно тоненькую ниточку, которую невозможно оборвать...

...Дверь! Вот она – Дверь! Она все время была здесь, рядом, стоило только посмотреть! И выбирая остатки Нити, набирая высоту, я начинаю расправлять крылья...еще осторожно, еще не спеша. Я оставляю внизу тоненькую щепочку, сломанное тельце, свою тюрьму, свое бывшее пристанище. Одна щепочка – черненькая с рыженьким – вытянулась и лежит, другая – рыженькая с черненьким – изломилась над ней и кричит. «Лисенок, не умирай, не смей, слышишь? А как же Алтай? Горы и лошади? Луга, как мох? Идущие на нерест рыбы потоком живого серебра? Мы поедem с тобой, и будем жить, и будем коммунары, и я подарю тебе гитару...»

Огромные, огромные белые крылья беззвучно сделали первый взмах, и брызги света, как пух и перья, в ослепительном медленном танце поплыли вниз, все ниже и ниже...

Лисенок, я, может, и старый извращенец, и уж точно не Ангел, но ты достоин того, чтобы жить. Живи, моя тюрьма, мой маленький товарищ, мой Творец.

Инга Кобунова

2009 г.

Рубрика

«Хочу сказать!»

«Чаепитие с тетушкой»

(продолжение. Начало № 2)

Любовь Воронина

Праздность

Нам легко представить себе ад, не только средневековый, такой откровенно физиологический - с серой, смолой, щипцами и сковородками, но и, как мне кажется, - более реальный, это когда бог оставляет нас перед дверью, которую мы не хотим открыть, чтобы выйти к свету. Каждый из нас переживал физическую боль, ужас, раскаяние. Многие из нас спасаются от страданий лихорадочной деятельностью и отупляющим трудом.

А рай? В раю не работают. Что испытывает душа в этом цветущем саду, полном нежного зноя, бабочек и пчел; в саду, где тигры играют с белками в горелки, где черные лебеди важно скользят по воде, исполненной света и блеска; в саду, где мысль о творчестве даже не приходит тебе в голову, потому что ты и мир одно целое и любовь Бога ощущаешь так ясно, что хочется замереть и греться.

У дней вкус дыни - сладкий и прохладный,

И от него кружится голова...

Наверное, праздность - это смутный отблеск рая, золотая нитка, которой беспечность, прихоть и свобода вышивают твою жизнь. И, увы, праздность- это зеркало, простое, честное зеркало, в котором мы отражаемся в полный рост.

Иногда мне кажется, что изгоняя из рая потерявших невинность людей, позволяя им добывать хлеб свой насущный в поте лица, Господь проявил неслыханную милость, ибо чем будет праздность, если невинность потеряна..?

Благородство

Благородство - удел мужчин. Подобно красоте оно вызывает жажду, восторг и ненависть.

Благородство жестоко, потому что манит, убивает и укоряет.

Манит - смерть. Костлявая, уродливая тварь, видя улыбку без страха, чувствует себя красавицей. Только серебряный меч поражает нечисть, только благородство способно убить зло, а не умножить его ряды. Благородство всегда укор нам (женщинам), ибо мы, сплетенные с землей корнями, ветками и жилами, не признаем причин принимать смерть и звериным воплем кричим всегда одно и то же: «Только живи!»

Единственное утешение: это из наших кровоточащих, слабых утроб появляются на свет благородные мужи.

Шляпки

Причудливые и скромные, бархатные, соломенные - разнообразные как погода, бабочки и цветы, шляпки делают нас дамами. Стоит надеть шляпку - и ты попадаешь в волшебную страну, где за окном всегда - Париж, вишни такие спелые, кошки на солнышке такие толстые и сонные, запах кофе и булочек невыносимо ясен...и даже если ты седая и старая, то зонтик-то у тебя - кружевной.

«Господи, я молю тебя только об одном, чтобы ты БЫЛ..!»

Счастье есть, а ощущения счастья нет...

Может, сегодня не ужинать?

Он хотел стать великим, ну хотя бы известным, а еще лучше любимым Поэтом.

И трудно было дышать, потому что слова рвались наружу, мешали жить,

он взял перо, открыл страницу, и мысль упала строчкой.

Он не стал великим и даже известным. Но душа успокоилась. Его и еще чья-то.

Мирабель

Рубрика «Окно»

<http://www.liveinternet.ru/community/2810404/rubric/993932/ru/users/3072637/post134152656/>

"El Empleo" ("Работа") - короткометражный мультфильм с философским подтекстом, созданный в 2008 году аргентинским аниматором Santiago "Bou" Grasso. Мультфильм был удостоен в свое время 37 премий на различных международных фестивалях.

РУБРИКА «ДЕТСКАЯ»

Добрый день, уважаемые Маленькие и Большие читатели!

Ну как, понравилась вам сказка о Колобке «на новый лад»? Будете читать продолжение? А чтобы веселее читалось, авторы Ольга Горина и Максим Прияткин даже стих сочинили, про моральный облик нашего героя. «Сказка – ложь, да в ней намек...»

Стих "Про бесчинства Колобка в лесу"

Колобок -
Румяный бок,
По дорожке скок-поскок,
Дернул зайчика за лапу,
Крокодила исцарапал,
Укусил в нос бегемота,
Потолкался с кашалотом,
И, устав от этих дел,
Под березкой захрапел!

Глава 4. Колобок не должен убежать!

Деду не спалось. Он и Бабу разбудил - посоветоваться. Говорит: "Давай сейчас отъедем полколобка, он не сможет кататься и не убежит в лес утром». Бабе не хотелось есть ночью, но, вспомнив вчерашний скандал с Дедом, она согласилась. Они взяли кто молоток, кто скалку и пошли Колобка есть. Дед бил-бил - не убил, Баба била-била - не убила, мышка бежала, хвостиком махнула, Колобок упал с лавки и проснулся. Это его и спасло. Дед плачет, Баба плачет, а Колобок им говорит: "Не плачь, Дед, не плачь, Баба - завтра пойду в лес, принесу вам Зайца на завтрак, а Барсука на обед. А теперь не печальтесь, ложитесь спать, утро вечера мудренее».

Итак: "Иногда и мышиный хвостик может спасти от довершения необдуманного поступка".

Глава 5. Утро откровения.

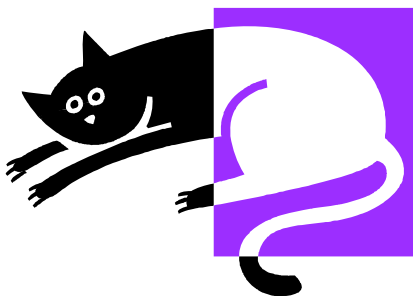
Утром Колобок проснулся и сразу вспомнил, чего он спросонок наобещал Деду и Бабе. И сразу огорчился, так как понял, что не сможет выполнить обещанное. РУЧЕК У НЕГО НЕ БЫЛО. Ничего он никому принести не сможет. Горько он заплакал, затосковал и стал жаловаться Богу на свою тяжелую долю. Тут небеса разверзлись, раздались трубные звуки, с неба посыпались благоухающие розы, появились чудесные птицы и иные крылатые существа и Колобок услышал Глас Небесный: "А ты протяни ручки и принесешь Зайца на завтрак, а Барсука на обед". Колобок не поверил, но Глас не унимался. И до того это надоело всем собравшимся вокруг жителям деревни, что Колобок понял, что если он не протянет ручки, то у него очень скоро будут большие неприятности. Он напрягся изо всех сил, и ручки у него выросли. Все вокруг поудивлялись минуты три и разошлись по домам досыпать. Глас спросил у Колобка: "Что ты чувствуешь?" А Колобок ему отвечает: "Силу чувствую непомерную. Было бы одно кольцо в Земле, а другое на Небе, так притянул бы Небо к Земле и смог бы съесть солнце (или луну) в зависимости от времени суток. И тогда бы не пришлось бы мне за медведем по лесу гонять... Сам бы косолапый притопал". "Вот и славненько",- сказал Глас: "Такие Колобки нам нужны. А теперь иди - выполняй обещание, лови Зайца". Небеса закрылись, трубы умолкли, птицы собрались в стаю и улетели на юг, розы местные бабки, кто попроворнее, собрали и увезли в цветочный киоск на рынок в райцентр.

Итак: "Старайся не обещать ничего и никому, как бы тебе не было жалко просящих об этом. Иначе придется обращаться к третьим лицам и неясно, чем все это закончится".

Глава 6. Битва.

Колобок вкатился в лес и сразу же увидел Зайца. Животное лежало в канавке и посапывало на весь лес. Колобок схватил Зайца своими могучими руками и стал трясти. Заяц проснулся и тоже начал трясти Колобка. Трижды луна восходила над полем битвы. Вороны то слетались на пир, то разлетались. Дождь поливал могучих богатырей, солнце палило их мокрые спины и затылки. Никто не хотел уступать. Посмотреть на зрелище издали собрались все жители леса. Продолговатые (как мыши и волки) болели за Зайца, круглые (как медведи и воробьи) – за Колобка. Добрая треть леса была вытоптана бойцами, многие деревья не устояли и свалились, как будто прошла великая буря. На третьи сутки Заяц предложил Колобку ничью. Колобку еще никто не предлагал ничью, и он не знал, что это такое. Но Колобок был очень любопытный и бесстрашный. И он согласился. Все вокруг обрадовались, начали подкидывать их вверх, Заяц обнял Колобка и пожал ему руку. «Теперь мы друзья», - сказал он. Колобку все это понравилось, он взобрался на Зайца и сказал такую речь: «Заяц и Колобок вместе навсегда!». Многие звери, увидев, как велики Колобок с Зайцем вместе, сразу решили воздать им почести и дать много еды Деду и Бабе (как родителям героя).

Итак: «Обычно лучше подружиться с хорошим парнем, чем съесть его».

Глава 7. Расставание друзей.

На следующий день, когда вчерашнее празднество в лесу уже стихло, а сегодняшнее еще не началось, Колобок сказал Зайцу: "Хоть мы с тобой сильные и бесстрашные, хоть нас много, мы не сможем сделать всего, о чем мечтали лучшие умы, нам не хватает образования и знакомств за пределами леса. Без этого мы не сможем ничего искоренить и не сможем принести никакого счастья близким и всему народу. А я подозреваю, что цель жизни настоящего Колобка - "искоренять и приносить". Заяц долго не думал и ответил: "Цель зайцев в другом - мы изначальные повелители лесов и полей, без всякого обучения владеем чистой мудростью и поддерживаем телепатический контакт со всем заячьим сообществом на земле. Только Великий космический Заяц - руководит нашим братством. Мне ни к чему блуждать в потемках. Ты, Колобок, на деле - своей честной борьбой со мной - доказал, что ты тоже достоин быть приобщенным к нам. Оставайся - будем вместе править лесом, я тебя научу. И деревню к себе присоединим - раз у тебя там связи. Скучно не будет". Колобок не хотел жить в лесу, даже если бы и деревню они присоединили. Его тянуло на вольные просторы и еще у него возникли проблемы с самоидентификацией. Все чаще и чаще задавал он себе вопрос "Кто я? Откуда я? Куда качусь?", а иногда спрашивал "Кто такие Колобки и где моя мама?".

Итак: "Вероятность пространственного перемещения живого организма прямо пропорциональна количеству его мыслеформенных построений вопросительного характера" или, другими словами, "Дурная голова - ногам покоя не дает" (даже если их нет)».

Глава 8. Лесные беды.

Колобку было жалко расставаться с Зайцем. И Зайцу было грустно терять такого друга. Но делать было нечего. Они поклялись помогать друг другу самой суровой клятвой. Заяц дал Колобку волшебное зеркальце на батарейках для вызова в случае чего и они простились. Колобок катился по лесу, напевая веселую песенку, его радовала дорога, свежий ветерок и чувство свободы... Вдруг он увидел маленького Ёжика. Ёжик стоял над муравейником и плакал. "Ёжик, - спросил Колобок Ёжика, - "Зачем ты плачешь?". "Как мне не плакать" - отвечает Ёжик, - "Хитрые вороны подговорили гусениц подложить в муравейник ламихузу. Ламихуза выделяет сок, муравьи очень быстро привыкают его пить и не могут без него обходиться, они перестают работать, ссорятся друг с другом, болеют и умирают. Они если и приносят еду, то ламихузе, а не своим детям. Скоро и этот муравейник исчезнет". "А как спасти муравьев?", - спросил Колобок. "Это невозможно", - ответил Ёжик, - "Только если набрать их в спичечную коробочку, подержать несколько дней и выпустить туда, где нет ламихузы. Тогда они построят новый муравейник. А если не спасти муравьев, муравейников не станет. Гусеницы размножатся, съедят всю листву и лес исчезнет. Останутся только вороны, которые будут есть гусениц и то, что останется от леса. Но..." Колобок не дал Ёжику закончить. Он уже набирал муравьев сразу в два коробка. Ёжик осмелел и сделал то же самое. Вдруг из-за кустов выбежали волки - целая стая. "Это санитары леса - только они могут набирать муравьев в коробочки," - тихо сказал Ёжик. На ветку села Ворона. "И только по решению вороны", - еще тише продолжил Ёжик. Ворона каркнула, - "По закону леса, вы не имеете права никого запирают в коробочки без их согласия. Схватить их". Волки набросились на Ёжика и утащили с собой. Колобок в последнюю секунду успел засунуть Ёжику в карман зеркальце Зайца и шепнуть - погляди в него, оно поможет. Колобка волки схватить побоялись - он погнался было за ними, но по пути стал сомневаться, а правильно ли он поступил, ведь муравьи же свободные насекомые. Долго Колобок думал, но ничего у

него не придумывалось. Он описал все это на бересте и передал Воробью - чтобы тот отдал Зайцу при случае, а сам покатился дальше в деревню.

Итак: нету, сами думайте.

Глава 9. Благословение.

Колобок прикатился в деревню к Деду с Бабой. Ему надо было с кем-то поговорить о происшедшем в лесу и принять какое-то решение - бросить все и укатиться на обучение или не укатываться, а заняться решением местных проблем. Баба пекла блины и кормила ими Деда на кухне. Поговорили. Колобок все рассказал о происшедшем - о битве с Зайцем, про волков и про свое желание набраться ума-разума, а под конец спросил, - "Почему блины-то?". Дед подумал маленько, да и ответил: "Долго я пожил. Умный стал на старость лет. Лучше блин в руке, чем Колобок в Шаолине". "О чем это он", - не понял Колобок и решил с другого бока зайти - просить Деда с Бабой завести себе сестренку или братишку, мол, скучно одному жить на свете. Баба сказала, что с Колобками больно хлопотно, непредсказуемые получаются. "Сфера", - говорит, - "такая форма, которая вмещает в себя что угодно. Например, есть куб, вписанный в сферу, а куба, вписанного в пирамиду, нет". Еще Баба сказала, что они с Дедом по первому снегу запланировали слепить Снегурочку. И забот меньше, не убежит, а как подрастет - выдадут замуж, за кого захотят. И подмога, и развлечение. Тогда Колобок предложил потратить половину добытой им в лесу муки и слепить колобковый взвод, чтоб колобки были побольше, да пожирней его. Он бы их обучил - они бы и в своем лесу порядок навели и с других лесов продукты бы в деревню понатащали. Но старики были непреклонны. Их предыдущая жизнь не давала им отклониться от намеченного на спокойную старость курса.

Дед сказал Колобку: «В нашей деревне с твоими способностями делать нечего, ничему хорошему не научишься. А такой глупый и необразованный ты и леса не спасешь, и нам от тебя одна обуза. Обманут тебя злыдни, заставят на себя работать пройдохи. Пойди отдохни у нас денька три, в баньке попарься, рыбки полови, а потом отправляйся в Китайскую народную республику - там живут даосы - они расскажут тебе все, заодно потренируешься в Шаолинском монастыре по искусству рукопашного боя». Колобок так и сделал. Отдохнул, а на четвертый день с утра пораньше взял краюху хлеба да луковицу и укатился на станцию - был как раз четверг и по расписанию там проходил экспресс "Женева-Гуанджоу".

Глава 10. Происшествие на станции.

Колобок положил пару сосен на рельсы и стал поджидать поезд. Как только тот остановился у завала, Колобок подкатился к самому красивому вагону и вежливо постучал. Проводник высунулся из окошка и сказал: "Ответь мне на три вопроса и сделай три дела - тогда впущу и возьму с собой и даже белье выдам постельное. Что легче всего, что быстрее всего и что жирнее всего". "Ладонь, мысль и земля", - быстро вспомнил Колобок одну из прочитанных у Деда в библиотеке сказок. Проводник испугался, что придется брать такого странного пассажира и убежал за начальником поезда. Тот закончил железнодорожный институт в городе Самаре по линии международного обмена и был одним из самых мудрых начальников на этом направлении дороги. К тому же он был китайцем и умел задавать всякие хитрые вопросы. Начальник пришел и сразу же сказал Колобку: "Во-первых, покажи мне людей уверенных в завтрашнем дне, во-вторых, нарисуй мне портреты погибших на этом пути, а в-третьих, приведи мне того, кто выжил один из полка! Тогда я стану дверью, проводник замком, а помощник машиниста - ключом от замка. Ты откроешь дверь и поедешь в свой Шаолинь".

Колобок сначала начал сомневаться - а доедут ли они после такого сокращения поездной бригады хотя бы до Харбина, а потом продолжил сомневаться - имеют ли задачи возможность решения и не обманывает ли его хитрый начальник. Чтобы решению задач не помешали мысли о недоверии людям, он положил еще деревьев впереди и позади поезда. После шести часов такой работы он забрался на одну из куч и устроился поудобнее. Долго продумал Колобок, но задачи продолжали казаться неразрешимыми. Однако он не сдавался. Бригады местных железнодорожников, части МВД, МЧС и ГО и даже прибывший полк китайской народной армии с двумя броневиками поддержки не смогли сломить его упорства и согнать с кучи деревьев. Их усилия по освобождению поезда Колобок сначала отбивал грубой физической силой, а дня через три - просто посвистом молодецким. Солдаты и офицеры боялись посвиста, к тому же от него дорога заваливалась деревьями еще больше, от станции оторвало крышу, а окрестности постепенно начало засыпать валунами величиной с телегу. Попытки избавиться от Колобка постепенно прекратились, дорога заросла кустарником и елками, пассажиры экспресса частью смешались с местным населением, а частью добрались до ближайшего аэропорта и улетели чартерным рейсом домой. Поезда пошли в обход, а в газете "Тамбовский комсомолец" написали маленькую заметку: "Дороженька в Китай-страну ай заколдобила, ай замуравила, да на дороженьке той Колобок-разбойник пошаливает. Было до Китай-страны 5000 верст, а теперь все 6000 да с полтысячей". В других газетах и в интернет-блогах ничего не написали, потому что как раз в это время Хрюша Чакчак набралась в ночном клубе и все обсуждали ее нетрезвое поведение.

Колобок тем временем не ел и не пил, чтобы не ходить в туалет и не отрываться от размышлений над вопросами, которые загородили ему дорогу к великой китайской мудрости. Он сидел в полном медитативном сосредоточении. Через два месяца в центре его тела стал заметен голубоватый тибетский слог "ХУМ" в радужной капле, через три над его макушкой по ночам стал плавать белый и сияющий слог "ОМ". Иногда Колобка отделяло от дров, на которых он сидел, сантиметров на 20 и он свободно воспарял. Но только отдельные безбашенные богатыри, да нефтепроводчики, прокладывающие очередной нефтепровод в обход Байкала, могли видеть это. Колобок уже понял, что такое "Гул Таоса", что "произошло в зоне №51" и "кто убил президента Кеннеди". Секрет термоядерного синтеза раскололся перед ним как перезрелый орех. Но кто же по-настоящему уверен в завтрашнем дне, он решить не мог. Не лучше обстояли дела с другими задачами. "А ведь китаец знал, о чем говорил...", - думал Колобок и еще больше напрягал свой ум и вкладывал свою энергию...

Рубрика «Кстати»

Автор рубрики – Н.Воронина

Красивых женщин оставим для мужчин без воображения.

Марсель Пруст

Только тот, кто тащит ношу, знает, сколько она весит.

Арабская пословица

От глаз к сердцу проложена дорога, которая не проходит через интеллект.

Г.К.Честертон

Рубрика «Эхо»

Страницы отечественной истории не только перелистываются, они еще и пересматриваются и, что греха таить, переписываются. Порой мы уже не в силах разобраться, где правдивые факты, а где пополам с вымыслом. И частенько машем рукой на журнальные статьи, роняя с усмешкой: «Желтая пресса!»

Мне предложили прочесть очерк «Баба Яшка», рассказывающий об одной из страниц времен 1й Мировой и Великой Октябрьской, о том, как и для чего создавались знаменитые женские «батальоны смерти». Судьба возглавившей это движение Марии Бочкаревой напоминает приключенческий роман Дюма, правда, конец у него невеселый - недаром автор очерка ставит свою героиню вровень с легендарной фигурой Жанны Д`Арк. Не буду навязывать собственные суждения - каждый сам прочтет и сам оценит.

Можно спорить, так это было на самом деле, или нет. Можно критиковать литературные достоинства произведения. Но вот меня что-то в нем «зацепило». Может быть, грустное понимание того, что герой - такая неудобная для себя и окружающих личность...

Материал для рубрики «Эхо» подготовлен Кобуновой Т.М.

БАБА ЯШКА

Марию Бочкареву не понимают до сих пор, как не понимали в ее время. Надеть погоны с черепами, начертать на знамени слово «смерть» и пойти убивать, призвав под свой страшенький штандарт других женщин... Как это с ней случилось?

Наталья Клевалина

Кем она была, толком никто так никогда и не узнал. Думал, что знает, некий русский эмигрант Исаак Дон Левин, который на протяжении нескольких недель записывал за ней ее воспоминания — сама Мария была неграмотной. Было это в Нью-Йорке, в убогом отеле «Принц Джордж» на Пятой авеню. Иногда они выходили прогуляться. Зеваки с удовольствием пялили глаза на грузную женщину неопределенного возраста и мужской военной форме, увешанной невиданными орденами и медалями. Но и Левину Мария не открыла всей правды. Она подсознательно чувствовала, что хочет от нее услышать западная публика и проницательный журналист. Свои мемуары она продала — ей очень нужны были деньги. Хотя, живучая, как кошка, она не была склонна к размышлениям, самоанализу, «говорильням». «Не люблю базаров», — так говорила. Был у нее эдакий крестьянский иммунитет - да она ведь и была крестьянкой, эдакой чистокровнейшей дворнягой! — который позволил ей миновать эти тернии. Она не умела быть и гибкой - рубила с плеча.

Было бы слишком просто утверждать, что она, как говорится, «попала» или была «взята в случай». Таких, «взятых в случай», была тьма-тьмуца. Вот те, кто брал, — это другой разговор. Она и сама наверняка и не понимала толком, куда ее швыряет, а уж тем более — зачем. Время было такое, ей ли, недалекой бабе — да, она сама всю жизнь называла себя бабой — баба Яшка! — разобраться во всем этом. «Моя страна позвала меня», — скажет она, обрежет напрочь волосы и уйдет воевать.

Сохранилось фото: новобранцы «Женского батальона смерти» стоят в очереди к цирюльнику, который бреет каждую под ноль. Девушки стоят тихо-чинно, на лице бедолага-парикмахера - ужас.

Все сформулировано в песне ее «батальона смерти»:

Нам нет домой возврата;

Отвергла нас семья.

Мы - женщины-солдаты.

Пусть примет нас земля.

Мы отреклись от жизни.

У нас одна мечта;

Служить своей Отчизне

И победить врага.

Нам нет домой возврата.

Мы — за России честь.

Мы — женщины-солдаты.

И нам награда — смерть.

Вот такие слова. Мотив невозвращения был главным во всей ее жизни.

Конец-краю не было бесконечным сравнениям Марии с Орлеанской девой. Ну да, обе были крестьянками. Но на этом их сходство не заканчивалось. В 1429 году одна соплячка из Домреми заявила во всеуслышанье: «Знайте, что никто — ни король, ни герцог, ни дочь шотландского короля, ни кто-либо другой не сможет восстановить французское королевство: спасение может прийти только от меня...». По счастью, дошли до нас протоколы допросов и Марии Бочкаревой, и Лотарингской девы. На запутанные вопросы следователей обе повторяют одно и то же. Мол, я неграмотная крестьянка, ничего не знала, не понимала, хотела, как лучше. Чувствуется искреннее недоумение и той и другой: да как же это случилось, как произошло? Да со мной ли это? Может, здесь вовсе не я, а я где-то в другом месте? Обе не то что не признают своей вины, они даже не понимают, в чем, собственно, дело. Одну сожгли, другую расстреляли.

Но когда исчезла забитая молодая баба Мария Фролкова и появилась на свет Мария Бочкарева — был ли у нее выбор? Безусловно, был, какой бы беспросветной ее жизнь ни оказалась. Просто однажды ей ну очень захотелось спасти свою страну от врага. Нам, с высоты нашей эпохи анатомических кресел, это сложно понять. Только когда становится предельно ясно: не придет чужой добрый дядя и не спасет. Даже за наличные. А если никто не спасет, то что? Гибель? И тогда... кто же, если не я? В такие моменты и обостряется «высокая болезнь», которой подвержены лишь гордые и жалкие одиночки. Комплекс

Орлеанской девы – это упрямая твердость еретика, а может, и наоборот, терпеливая стойкость святого. Это дар слышать пророчества — свой внутренний голос.

И все же, кто мог бы объяснить, что она такое? Уж конечно, не родители. Они точно знали только одно: еще один лишний рот. Мария Фролкова родилась в 1889 году третьей дочерью в семье. Отец ездил по заработкам, иногда его не бывало по пять лет. После он объявлялся для того, чтобы некоторое время побыть дома, настругать еще детей, запойно поквасить и погоняться с кулаками за женой и детьми. Работал лишь два дня в неделю. Маньке не было и восьми, когда семья в поисках лучшей доли решила перебраться в Сибирь. По дороге родители отправляли детей просить на станциях еду. Но и в Томске, где Фролковы обосновались в тесном подвале, «на дне», лучше не стало. Это была самая настоящая нищета. Та самая, когда не знаешь, как дотянуть до завтра с пустым брюхом. «Милый дедушка, Константин Макарович...» — это вполне могла и Маруся написать. Если бы умела. Писать она так никогда и не научилась: только имя свое могла через силу вывести на бумаге. В 8 лет Марию отдали, как бы мы сейчас сказали, в «бебиситеры». Но на этом поприще она долго не задержалась. «Мне пришлось присматривать за маленьким мальчиком. Однажды, забавляя его смешными фигурами, нарисованными мной на песке, я настолько увлеклась игрой, что стала спорить со своим подопечным, и закончилось это дракой. Мать мальчика услышала его вопли и отхлестала меня. Утоплюсь, подумала я». Но не утопилась.

Мария Бочкарева - ходячая иллюстрация «синдрома героя». Страдающие этим синдромом — это такие товарищи, которые всех от всего спасают, даже если их не просят. Они обязательно переведут бабулю на другую сторону улицы, как бы отчаянно та не сопротивлялась. Уже доказано, что героями-спасителями становятся обычно законченные «травматики», то есть те, кто пережил сильную психологическую травму, кто когда-то сам был жертвой. Спасательство для них становится способом разрешения ситуации. Они необычайно трудолюбивы, эдакие электровеники, у них не бывает интересов и друзей вне «миссии». Их главное стремление — обязательно добиться успеха, а страх неудачи проявляется во всей красе, даже в малозначительных действиях. Мария уже к 10 годам была «травматиком» со стажем. Пять лет вкалывала в бакалейной лавке. Потом пошла служить к богатым господам, где ее совратил сын хозяев — молодой офицерик. Жениться, понятно, отказался. Вот как мелодраматически Мария описывает финальное объяснение в своих мемуарах: «Со мной началась истерика, и, бросившись на него, как дикая кошка, я закричала не своим голосом: «Подлец! Ты меня обманул! Ты меня никогда не любил! Ты негодяй! Пусть бог тебя накажет!». Вряд ли ее мама никогда не говорила, что заводить шашни с «белыми» нехорошо, да к тому же и бесперспективно. Дело было в другом: вероятно, подсознательно Мария стремилась сама переполнить чашу своего терпения, дойти до того рубежа, где кончается «мученичество» и начинается стезя героя. Пока все шло успешно. Узнав о «падении» дочери, отец Маруси отхлестал ее кнутом и выгнал босой на мороз, на улицу, где она простояла возле стены дома несколько часов.

В неотесанном солдате Афанасии Бочкареве Мария видела для своего мученичества огромный потенциал. Ей было 15, и встретились они на «вечерке». По случаю святок Маруся оделась мальчиком. «Так впервые я надела мужскую одежду», — вспоминала она. Поженившись, супруги Бочкаревы, у которых не было ни гроша за душой, нанялись поденщиками. Разгружали баржи с лесом, клали асфальт. Афанасий тоже был не дурак выпить, а пьяным буянил и бил жену. В подвальчике Бочкаревых разыгрывались прямо-таки сцены из Горького. Вскоре Маруся сбежала от этого «соцреализма» куда подальше. По пути в поезде, на который Мария села без билета, какой-то проводник попытался получить плату за проезд натурой.

Нанявшись в Барнауле работать на пароходе, она какое-то время жила тихо-мирно. Разнообразие в ее размеренное существование очень скоро внес отыскивавший ее законный супруг. Пароход как раз стоял у причала, когда Маруся с борта увидела благоверного. Представив, что он с ней сделает, она решила утопиться, прыгнув в Обь. Вообще, покончить с собой она пыталась на протяжении жизни по крайней мере четыре раза. Распаренной выбегала на лютую стужу, надеясь простудиться и заболеть, травилась уксусом. Всякий раз как-то без особого страха и терзаний. На полном серьезе, не желая быть спасенной и вызвать в ком-либо чувство вины своим поступком. Все эти попытки суицида приходится на период «мученичества». Она будто знала: это необходимые вехи, которые она минует, тот огонь, из которого она выйдет совершенно иной и новой. А пока она перетерпывала жизнь. Только однажды ее прорвет. Это случилось на фронте, во время Первой мировой, откуда Мария уезжала, не в силах видеть братания с врагом. Прощаясь с полком, выстроенным в шеренгу, она скажет: «Вы знаете, как я вас люблю, как вы мне дороги. Кто вытаскивал вас ранеными с поля боя? Яшка. Кто перевязывал ваши раны под огнем? Яшка. Кто переживал вместе с вами все опасности и делил все невзгоды? Яшка. Баба Яшка. Я сносила ваши оскорбления и радовалась добрым словам. Знала, как принимать от вас и то и другое, потому что понимала ваши души. Вместе с вами я могла бы выдержать все, что угодно. Но того, что творится сейчас, выносить больше не могу...».

Что это, если не настоящая любовь? Любовь той, которую так часто называли бесполом существом, лишенным счастья, любви, благополучия. Это была просто какая-то семейная сцена, устроенная преданной женщиной. Но до этого было еще далеко. Мученица-героиня продолжала шлифовать мастерство. В очередной раз сбежав от мужа, в Сретенске нанялась служанкой в дом одной дамы. Позже выяснилось, что она попала в притон. Марусе выдали непотребно открытое платье. Девушка кинулась в полицию. Жандарм, выслушав ее... предложил с ним переспать. Маруся побежала обратно в дом терпимости: больше деваться было некуда. Купила уксусной эссенции, заперлась в своей комнатенке и... Ее спас 24-летний Яков Бук, один из клиентов. В жизни Маруси он оставит глубокий след. Неслучайно, выбирая себе солдатское прозвище, она назовется Яшкой.

Они стали жить в гражданском браке, даже разбогатели: Яков держал мясную лавку, Мария стояла за прилавком. Беда была только в том, что на досуге Яков любил немного пограбить на большой дороге и водился с «политическими». В 1912 году его арестовали. Разузнав, что ее невенчаный муж находится в иркутском центральном, Маруся отправляется за ним. Деньги быстро кончаются, остаток пути приходится проделать пешком. В мае 1913 года она по этапу идет за ним в Якутск. С этим городом связана еще одна странная история в жизни Марии. Узнав, что «мужа» должны отправить в самое отдаленное якутское поселение — Амгу, где условия жизни просто адские, Маруся якобы отправилась к губернатору Якутска Крафту. По крайней мере, так она рассказывала Исааку Дон Левину. Губернатор, само собой, предложил отдаться. Подобным предложениям на жизненном пути Маруси, по ее словам, вообще числа не было. И это при условии, что она и в молодости-то красотой не блистала... Ну, на войне — понятно, но на гражданке... Дело в том, что Мария Бочкарева, начиная с определенного периода своей жизни, не переставая творила легенду о себе самой. Тут в ее повествование снова вкрадывается мелодраматический стиль, еще бы, эпизод в Якутске был апогеем ее «гражданской» жертвенности: «Оставалось одно: либо навсегда загубить себя и Яшу в холодных северных просторах, либо оказаться в объятиях генерала Крафта». По ее словам, губернатору она отдалась, но, не в силах такого позора вынести, купила уксусной эссенции, заперлась у себя и только проглотила отраву, как вбежал Яша, которого благодаря ее «заступничеству» выпустили из тюрьмы, и вовремя спас свою любимую. Слащавость дикая, до приторности. Яшу с Марией в Амгу все-таки

отослали. В поселке она была единственной «белой» женщиной. Началась эдакая жизнь декабристки. Маруся становится в колонии ссыльных поселенцев чем-то вроде доброй матушки: всех кормит-поит, морально поддерживает. Якову это не нравится: ревнует. От нечего делать он в основном играет «по маленькой» и квасит почем зря. И дерется. Мария постоянно держит поблизости топор. Наконец, когда он попытался довольно недвусмысленно ее повесить, ее терпение кончилось.

Недотерпеть — пропасть, перетерпеть — пропасть», — это классик про таких, как она, сказал. Началась Первая мировая. До Амги новости доходили медленно. А когда дошли... Мария была потрясена. Немец идет воевать на матушку-Русь! И вот, рассказывая об этом моменте своей жизни Исааку Дон Левину, Мария случайно проговаривается, проливает свет на то, кем же она была на самом деле. «Покинуть Якова ради собственного блага казалось мне невыносимым. Но оставить его и пойти на фронт во имя бескорыстного самопожертвования — нечто совершенно иное!». Ей нужно было оправдание. Страдающие синдромом героя не умеют быть счастливыми. Они стараются оградить других от возможных бед или решить за них их проблемы, при этом напрочь забывая о своих интересах, пытаются оптимизировать жизнь других, наплевав на свою собственную.

Как это ни странно звучит, синдрому героя всегда сопутствует затаенное чувство собственной неполноценности, ущербности, которое как раз и компенсируется через «комплекс превосходства». Такому человеку чаще всего удается компенсировать чувство неполноценности лишь в одной сфере жизнедеятельности: в работе. В других значимых сферах — семейной жизни и сексуальной - такой компенсации не происходит, может быть, потому, что все силы и энергия устремлены на достижение профессиональных целей. Иными словами, страдающие этим синдромом боятся жить «как все», подсознательно чувствуя, что у них не получится. Народ спасителей-мессий частенько встречает с распростертыми объятьями, нередко облакает властью. Мало-помалу в спасителе начинает зреть двойная мораль по отношению к тому, что он, собственно, делает. Потому что пресловутое служение человеческому в чистом виде не приносило, не приносит и не будет приносить никаких «выгод» в общепринятом понимании этого слова. Маруся Бочкарева была спасителем иного сорта. Двойной морали в ней родиться не могло. А потому все, что было с ней дальше, могло быть лишь продолжением все той же мученической эпопеи.

В ноябре 1914 года она явилась к командиру расквартированного в Томске батальона и заявила, что хочет поступить на военную службу. То, что произошло дальше, опять-таки относится к числу загадок короткой жизни Марии Бочкаревой. Командир взять ее в батальон отказался, говоря, что женщин зачислять на службу не имеет права. И будто бы посоветовал написать письмо самому царю. На последние деньги она отправляет телеграмму в Петроград, и буквально на другой день царь уже присылает ответ: мол, он дает добро... Как все было на самом деле, теперь мы вряд ли узнаем, но факт остается фактом: Марусе выдают обмундирование, бредут наголо и записывают в солдаты. Она вспоминает, что в свою первую ночь в казарме не сомкнула глаз, раздавая тумачи и затрещины. Командир однажды ночью тоже распустил руки, и она не постеснялась дать по морде и ему. На что он возмутился. Мол, да это я случайно, это я ошибся и ... отправил ее на гауптвахту. В баню Маруся вместе со всеми не ходила, предпочитая посещать городскую. «Когда я входила на женскую половину бани одетая, в меня сразу же запускали чем-то тяжелым, принимая за мужчину», - вспоминала она. Свой среди чужих, чужой среди своих.

Однажды начальство батальона застукало в местном публичном доме веселую шайку-лейку: это были солдаты, улизнувшие из казармы, в том числе и Маруся, которую пригласили туда за компанию, смеху ради. Подначиваемая сослуживцами, она усадила к

себе на колени какую-то девицу, тут-то их и повязали.

Время для шуток скоро миновало: батальон отправили на фронт и бросили в бой, после которого в живых осталось лишь 70 человек из 250. Это была подлинная мясорубка. Немцы использовали отравляющие газы, а противогазы русских солдат оказались бракованными. «Нас обдавало брызгами крови наших товарищей, смешанными с грязью», — вспоминала она. Потери состава были таковы, что пробывшие на фронте пару месяцев уже считались ветеранами. Маруся не только быстро сделалась «стариком», но и приобрела уважение среди солдат: она никогда не жаловалась, ползала по той же грязи, ела ту же дрянную кашу и щи, ее грызли те же самые вши. Последние так доставали Марусю, что она решила отправиться с солдатами в общую баню: никто не собирался устраивать ей на передовой отдельную «помывку». Марусе почтительно отвели укромный уголок. На протяжении всего мытья не раздалось ни одного смешка. Мария не могла не вспомнить свои первые бессонные ночи в казарме в Томске.

Предчувствуя, что мало кто одобрит присутствие бабы на фронте, она выдумала себе «оправдание» — пошла воевать, дабы отомстить за убитого германцами мужа. Эта легенда в ходу до сих пор. За годы на фронте Мария погрузнела, голос огрубел, лицо обветрилось, волосы преждевременно поседели, она выглядела гораздо старше своих лет. Когда-то она была одержима мыслью, выказав на поле боя доблесть, просить за Яшу, но довольно скоро забыла о его существовании. Он остался где-то далеко, в ее прошлой жизни. Она почти не помнила его лица. Но зато надолго осталось в ее памяти лицо огромного германца — первого, кого она «взяла на штык». Заслужила «Георгия» и три медали, хотя есть данные, говорящие о том, что Мария была полным георгиевским кавалером. Однажды сутки провела в немецком плену, после чего была отбита своими. В одном из боев ей в спину угодил осколок, полностью ее парализовавший. Она пластом пролежала в госпитале около полугода, заново училась ходить. Осколок до конца своих дней носила в теле: вынимать его врачи не рискнули. Эпизод на военно-медицинской комиссии имеет смысл рассказать специально для любителей покопаться во всяческих гендерно-извращенческих тараканах, обитающих в чужих головах. Кем же считала себя сама Бочкарева?

«Раздевайся! — рявкнул генерал, отдавая приказ, которым встречал каждого солдата, ожидавшего мобилизации.

Я решительно сбросила одежду.

— Женщина! вырвалось из пары сотен глоток. Члены комиссии буквально онемели от удивления.

— Что за чертовщина?! — вскричал генерал. — Зачем вы разделись?

— Я солдат, ваше превосходительство, и исполняю приказы, не задумываясь, — ответила я.

— Ну хорошо, хорошо. Поторопитесь одеться, — последовал приказ.

— А как же осмотр, ваше превосходительство? — поинтересовалась я, надевая свои вещи.

— Все в порядке. Вы прошли...»

Солдат Джейн отдыхает, нервно смоля в углу.

На фронт она вернулась уже старшим унтер-офицером и возглавила взвод из 70 человек. Но с февраля 1917-го в русской армии стало твориться черт знает что. «У нас шли бесконечные митинги, — вспоминала Мария, — весь полк, казалось, непрерывно, днем и ночью заседал, слушая нескончаемые речи. Люди от них становились как пьяные. Солдаты

забросили службу. Германцы никак не могли взять в толк причину происходящего. Однажды я приказала солдату заступить в секрет. Он отказался.

— Я не стану выполнять приказов бабы, — проворчал он, — что хочу, то и делаю. У нас теперь свобода.

Меня это больно задело. Как же так? Неделей раньше этот самый солдат бросился бы за меня в любой огонь!

— Можешь сама идти! — издевался он. Раздосадованная, я схватила винтовку и сказала:

— Не смогу, что ли? — и отправилась на пост, где оставалась целых три часа».

Вероятно, не было более неподходящей претендентки на роль русской Жанны д'Арк. Но Марию роднило с Орлеанской девой главное. «Мне было тогда некое видение, - вспоминала она, - в несокрушимом порыве миллионы русских солдат поднимаются из окопов вслед за мной...». Это ответ всем, кто когда-либо считал или считает Марию Бочкареву обычной революционной авантюристкой с уголовным шлейфом.

Конечно, подобно Жанне-деве, Мария не слышала голосов святых, которые открыли пастушке из Домреми, что именно ей суждено снять осаду с Орлеана, возвести дофина на трон и изгнать захватчиков из королевства. Напомним, что, когда Жанне исполнилось 17 лет, она отправилась к капитану города Вокулёр Роберу де Бодрикуру и объявила о своей миссии. Будучи высмеянной, вынуждена была вернуться в деревню, однако через год повторила свою попытку. На этот раз капитан, пораженный ее настойчивостью, согласился дать людей, чтобы она смогла направиться к королю. Точно так же Мария атаковала в Томске бедолагу-командира батальона, точно так же была высмеяна, так же ушла и так же вернулась. Этой слепой веры, неистовости было бы вполне достаточно, чтобы по праву именовать Марию Бочкареву русской Жанной д'Арк.

Но пока эти «миллионы русских солдат» выбирали комитеты и через ничейную землю ходили «в гости» к немцам. Мария уперлась рогом: политика - дело не солдатское. Солдат должен воевать. Вероятно, в глубине души Мария... боялась перемирия. Война дала ей все. Что она будет делать, если наступит мир? Она нисколько не сомневалась, что в мирной жизни для нее места не найдется. Для нее это был период уныния. Все изменилось в мае 1917-го. Прошел слух, что Западный фронт объезжает председатель Государственной думы М.В.Родзянко. Он захотел видеть Марию, и их представили друг другу. Этот большой человек поцеловал ей руку, поинтересовался мнением о ситуации на фронте и предложил: вместо того чтобы демобилизовываться, что она уже собиралась сделать, приехать к нему в Петроград. Он называл ее «мой геройчик» и, как и обещал, принял ее в столице очень тепло. Начался светский период жизни Марии. Ее сажают за стол, вокруг нее вьются и ахают великосветские дамы, ее приглашают к себе в кабинеты Керенский и Брусилов. На обедах она чувствует себя неловко, смотрит на остальных: как они едят то или иное блюдо. Петроградский свет стекался поглядеть на диковинку, привезенную с фронта. А она не понимала, зачем она им. Неужели она и впрямь им интересна? Да что же в ней такого необычного? Она просто женщина, которая хотела и хочет защищать свою родину от врага. Все объяснялось просто. Незадолго до этого министр Гучков призвал к созданию в армии таких частей, которые «увлекали бы на подвиг остальную массу». довольно быстро появились мужские ударные единицы, состоящие из добровольцев, которые подбиралась специально для того, чтобы идти на верную смерть. Кому принадлежала идея создания первого женского батальона: Брусилову, Керенскому или самой Бочкаревой, как утверждала она, теперь уже не столь важно. Более значимо то, что Мария возглавила его, хотя слепому было видно: эта пиар-акция ничего хорошего не сулит ее непосредственным исполнителям.

В случае неудачи козлом отпущения опять-таки становилась Мария. Но вообще-то грех не использовать наивную патриотку, одержимую мессианской манией, если она, стуча копытами, жаждет, чтобы ее использовали. Осознавала ли это сама Бочкарева? Не могла не осознавать. Просто она надеялась на людей. На женщин. Надеялась превратить этот пиарный батальон в нечто, о чем будут говорить до скончания веков. Вывести явление «бабского» формирования на совершенно иной уровень. Заставить всех воспринимать его всерьез. И с ней, и с Жанной-девой поступили по сути одинаково. Поматросили и бросили. И остались эти простушки у разбитого корыта размышлять в горестном недоумении: «А что же это, собственно говоря, было?»

Но пока до этого еще далеко. Фотографиями Марии и ее женщин пестрели все центральные газеты. Только за сутки, прошедшие с момента выступления Марии в Таврическом дворце, изъявили желание вступить в батальон полторы тысячи женщин. В первый же день военной подготовки Мария отправила по домам 30 человек, во второй - 70. Ей нужна дисциплина, а не дом терпимости, объяснила она. В батальоне хватало курсисток. Тонкие благородные дамы с плачем бегали жаловаться вышестоящему начальству, говоря, что Бочкарева «бьет морды, как заправский вахмистр старого режима». Под началом крестьянки Марии оказалось немало княжон. Ее личный адъютант — миловидная Скрыдлова, «звезда» фотокоров, была дочерью адмирала. Посетила женские казармы и Эмелин Панкхерст, знаменитая суфражистка.

Мария, кажется, была единственной, кто не желал замечать всей карнавальности предприятия. На вопрос корреспондента, почему она не оставляет запасные кадры в тылу, бросила лаконичное: «Ни к чему. Уйдем и умрем». Уходили с помпой. Сохранилось фото: «бочкаревки», выстроившись в шеренги на Исаакиевской площади, как настоящие солдаты, склоняют перед знаменем обнаженные стриженные головы. Мария Бочкарева была первой в истории русской армии женщиной-офицером, принявшим из рук архиепископа боевое знамя. На полотнище было золотом вышито ее имя. Само знамя в случае ее гибели должно было быть возвращено в Исаакиевский собор как святыня, чтобы никогда не служить другому командиру. Командующий 8-й армией Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов от фронтового командования преподнес Бочкаревой именную револьвер и шашку с золотым эфесом. По окончании молебна женский батальон, с оркестром во главе, в сопровождении тысячной толпы, под звуки «Марсельезы» двинулся по направлению к Варшавскому вокзалу. Публика образовала цепь. По всем улицам, по которым следовала процессия, из окон домов и с балконов аплодировали, махали белыми платками и бросали цветы. На каждой улице толпа все увеличивалась. Штыки у женщин-солдат были украшены красными розами, а фуражки - букетами ландышей, белых астр и незабудок. Некоторые из публики предлагали женщинам-воинам помочь нести их амуницию, они отказывались, говоря: «Мы уже солдаты и в помощи мужчин не нуждаемся».

Говорили, что по пути на фронт женщины устроили скандал в Киеве. Газеты писали, что якобы, когда прибыл женский батальон, на вокзале было немало солдат-мужчин, которые отнеслись к солдатам-женщинам с насмешками. Тогда команда женского батальона, несмотря на протесты, «арестовала нескольких солдат-мужчин, заперла в вагоны и заявила, что повезет их на фронт, и увезла». Мол, хватит бездельем маяться

Идея подобного пиара сама по себе была хороша. Вот только появилась она поздно. Воевать больше никто не хотел, хоть обряды в шинели полк дрессированных медведей. Вот как выглядело одно из боевых «дел» бочкаревок в описании генерала Деникина: «Женский батальон, приданный одному из корпусов, доблестно пошел в атаку, не поддержанный «русскими богатырями». И когда разразился крошечный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв технику рассыпного боя, сжались в кучку — беспомощные,

одиноким на своем участке поля, взрылленным немецкими бомбами. Понесли потери. А «богатыри» частью вернулись обратно, частью совсем не выходили из окопов». Мол, на фиг надо...

Когда «бочкаревки» в очередной раз попали в германские «клещи», а «богатыри» продолжали с любопытством пялиться на это из окопов, Мария просто обезумела от ярости. К тому же она прямо на поле боя натолкнулась на парочку, прятанную за стволом дерева. «Это была девчонка из моего батальона и какой-то солдат. Они занимались любовью! Гнусная сцена возмутила меня даже больше, чем неторопливость 9-го корпуса, обреченного нас на гибель. Этого было достаточно, чтобы сойти с ума. Рассудок отказывался воспринимать такое в тот момент, когда нас, как крыс, загнали в капкан врага. Во мне все бурлило. Вихрем налетела я на эту парочку и проткнула девку штыком. А солдат бросился наутек, прежде чем я сумела его прикончить, и скрылся», — вспоминала она.

Женщинам на войне и без того приходилось несладко. Солдаты подкарауливали их по ночам, били стекла в «бабской» казарме и развлекались тем, что среди ночи просовывали руки в разбитые окна и хватали бедняжек за выступающие части тела. К тому же и дамы не миновали революционной заразы. Женщина она ведь тоже человек.

Как-то раз дамы потребовали от командира создания батальонного комитета. Мария зачинщиков выгнала. Она уже ясно видела, чем все кончится, и хотела только довести дело до конца, более-менее не потеряв лица. Она навсегда зареклась командовать женщинами.

А между тем, помимо ее воли, по всей России формировались женские батальоны по образцу бочкаревского. На смотр одного из таких ее пригласили в Москву. При виде «солдат» Бочкарева стала ругаться нехорошими словами. «Почти все они были накрашены и одеты не по форме, — вспоминала она, — кто во что горазд, носили туфли и модные чулочки и вели себя фривольно. Вокруг вертелось много солдат, их обращение с девушками было возмутительным». Новобранки и их хахали в гневе отдубасили матерящую Марию, и наша «Пассионария», плюясь, отбыла обратно на фронт. Кстати, один из таких забракованных Марией батальонов и стоял в октябре у Зимнего. Известный исторический анекдот об обороне Зимнего «бочкаревскими дурами» — так у Маяковского — не соответствует действительности. Есть сведения, что «подражательная» петроградская рота состояла из женщин, «забракованных» Бочкаревой за «легкое поведение». На фронте эта рота никогда не была. Легенду об участии «бочкаревок» в октябрьском перевороте породил не кто иной, как Сергей Эйзенштейн. В фильме «Октябрь» есть эпизод: одетые в шинели женщины, приспешницы «реакционных сил», зорко бдят у стен Зимнего. Образ был так ярок, что с момента выхода картины все решили: Мария Бочкарева во главе своего батальона действительно встала в октябре на защиту Временного правительства. А ее батальон в это время находился под Молодечно, здесь «бочкаревки» и узнали о свершившейся красной революции. Мария так правдоподобно живописует разброд на фронте, царивший в эти дни после полученного из столицы известия, что поверить в то, что она отлучалась с фронта, дабы возглавить женщин, охранявших первый этаж Зимнего, трудно.

Кончилось все тем, что высшие чины батальон Марии банально кинули, оставив в окружении злобствующей солдатни, готовой растерзать стерв-«корниловок» на части. Девушки забились в какой-то лесок. Мария сумела раздобыть гражданское платье для своих солдат и начала тайный роспуск батальона. Каждый час она отпускала по одной девушке. Так, незаметно, женский батальон смертников перестал существовать. Саму Марию увезли с фронта в автомобиле, где она лежала, спрятавшись под сиденье.

По пути домой она останавливается в Петрограде, где ее арестовывают и ненадолго сажают в знаменитую Петропавловскую крепость. Потребовали сдать оружие, то самое, которое было вручено ей при освящении знамени батальона. «Я заявила, что они могут забрать его у меня силой, однако добровольно я его никогда не сдам», — вспоминала Мария. Оружие конфисковали. Вообще в Марии странным образом сочетались крестьянская простота и истинно белоофицерский менталитет. Видела ли сама Маруся Ленина и Троцкого, которые удостоили ее аудиенции в Смольном, как она пишет об этом в своих воспоминаниях, неясно. По ее словам, служить на стороне новой власти она отказалась, заявив, что устала, изранена и воевать больше не хочет и не может. Отпущенная, по дороге домой позволила себе несколько резких высказываний в адрес новой власти, и солдаты-большевики выбросили ее на ходу из поезда.

Дома? А что дома? Отпритчала бедная мать, не видевшая свою Марусю три года, и потянулись мучительные дни мирной жизни. Трудно сказать, сколько раз за это время Мария пожалела о том, что ее не отыскала на поле боя какая-нибудь неприятельская пуля. Так она жить не умела и не хотела. Она чувствовала себя жалкой, нелепой. Лев в наморднике, ветер, заточенный в тесный кувшин. Как всякая истинная крестьянка, Маруся была верующей. На фронте не расставалась с образком св. Анны, который носила на шее. Теперь же, запершись дома, она читала Библию и молилась богу, прося его вразумить Россию. «Всевышний отец мой, — молилась я со слезами, — укажи покорной рабе твоей дорогу к истине. Боюсь я. Всели храбрость в сердце мое. Колени мои подгибаются: укрепи ты их силою своей. Разум мой в потемках: озари его светом своим. Речь моя — болтовня невежественной бабы. Сотвори это не ради покорной рабы твоей Марии, а ради спасения России, моей несчастной страны». Это из ее мемуаров. Каково? да-да, Жанна. Неслучайно Орлеанскую деву так любили изображать на коленях, молящейся.

Однако впереди у нее было еще американское «турне». Зимой 1918 года Марию таинственной телеграммой вызвали в Петроград. Оттуда, переодевшись сестрой милосердия, с фальшивым паспортом, она перешла линию фронта, чтобы попасть в ставку к Корнилову. Была у нее легенда на случай поимки: едет в Кисловодск лечить больную спину. От Корнилова Мария направилась обратно. Какова была цель этого «похода», не ясно до сих пор. Мария в своих воспоминаниях этот эпизод своей жизни никак не проясняет. Прогуляться, мол, захотелось. Ясно одно: воевать в Гражданскую она не желала, как ни пытались ее привлечь на свою сторону те и другие — белые и красные, дабы снова размахивать ее именем, как штандартом. По дороге от Корнилова Мария, случайно выйдя к станции, занятой большевиками, решила сдаться. Наспех созданная следственная комиссия поставила Марию к стенке. В ожидании расстрела она томилась в запертом купе вагона. «Прижимая к груди маленькую иконку и обливаясь слезами, я вдруг услышала тихий ласковый голос, который сказал: «Твоя жизнь будет спасена». Кроме меня в купе никого не было. Среди членов комиссии оказался ее бывший сослуживец, которого она когда-то вытащила под огнем из грязи. Он вывел Марию из шеренги смертников, а когда солдаты начали матюкаться, встал на ее место сам. В результате отпустили обоих. Она больше не понимала, кто друзья, кто враги. На войне все было ясно. Враг вон там, наши вот здесь. Теперь все смешалось. Отправленная в Москву, Мария была посажена в камеру к уголовникам, которые, как она вспоминала, не давали ей ни есть, ни пить, ни спать. «Иногда я не выдерживала, бросалась и кусала того, кто нахально приставал ко мне. Мои слезы на них не действовали. Днями и ночами я вынуждена была бодрствовать». Как тут не вспомнить об издевательствах, которым столетия назад подвергли тюремщики заключенную в темницу Жанну-деву.

Совершенно неожиданно Марию освободили. 18 апреля 1918 года она впервые покинула русскую землю, отправившись за океан — в Америку, к союзникам, чтобы просить помощи для борьбы с большевиками. В Америке на гостью, одетую в армейские бриджи, с крестами и медалями на груди, пялились, точно на говорящего медведя. Из Нью-Йорка ее повезли в Вашингтон, где она встретилась с госсекретарем США, министром обороны и самим Вудро Вильсоном. Ее разговор с президентом выглядел так: «Вдруг она опустилась на колени и, протянув руки к президенту, стала умолять о помощи, продовольствии, высылке войск союзников против большевиков. Сидевший с мокрыми щеками президент заверил ее в этом». Она подарила Вильсону свой заветный образок. Чисто внешне это был ее звездный час. Но она не чувствовала себя «на месте», выполняя эту миссию. Эмиссаром никогда не была. Солдатом - да. Но времена эти прошли. Для западного мира она была всего лишь русской экзотикой. Побывав в Англии и получив там аудиенцию у короля Георга V и Уинстона Черчилля, Мария возвращается в Архангельск, в Ставку командования Белой армии на Севере.

Рассказывая историю о Марии, невозможно удержаться от оценки событий и их участников. Скорее всего, не было в той истории ни правых, ни виноватых. Было одно только лихолетье, гигантский пожар, на фоне которого чернела крошечная женская фигурка: маленькая, потерянная.

Да Мария и сама уже под конец это ясно видела. Из-за того, что она продолжала упираться, говоря, что в Гражданскую «боевого дела» на себя не примет, ее посадили на неделю под домашний арест. Чтобы свои и вот так!.. Кто-то, кто в это время находился в Ставке, вспоминал, что она, выпущенная из-под ареста, «курила пачками сигареты, жевала табак, всем докучала, показывая шрамы от ранений, и напивалась не меньше мужика». Отмечались также «широкое безобразное рябое лицо и коренастая фигура». В свои 30 лет она выглядела как старуха. От нее решили избавиться: дали денег на дорогу и велели ехать в Сибирь, домой. Положа руку на сердце, лучше бы ей быть сожженной, подобно Жанне, где-то после своего возвращения из Америки. В Сибири она формирует по заданию Колчака женский санитарный отряд, но эта деятельность кончается с отступлением белых. Она испытала страшное разочарование, когда при быстрой ретираде Колчак бросил на путях эшелоны с ранеными, большинство из которых погибло. А она опять вернулась домой, в богом забытый Томск. Шила на продажу шинели и все больше пила, а выпив, потчевала зевак рассказами о своих ратных подвигах, доставала из сундучка заботливо завернутые в тряпицу ордена, показывала. Когда город заняли красные, явилась к коменданту города, сдала револьвер. Ее обещали не трогать. Снова стала часто посещать церковь.

Вероятно, она или благополучно спилась бы, или ушла в какой-нибудь монастырь, еще влачивший свое существование по недогляду Советов. Но на Рождество 1920 года она прямо в церкви, во время праздничной службы была арестована. Спустя 5 месяцев ее расстреляли как «непримиримого врага рабоче-крестьянской республики». Надо же, через столько прошла, а как отдала свой образок Вудро Вильсону, так на пустом, можно сказать, месте и порешили... Как тут не поверить в мистику.

Жанна-дева была реабилитирована спустя 25 лет после казни. Мария Бочкарева — через 70 с лишним. Кстати, когда сама Мария больше не могла творить легенду о себе самой, это успешно продолжили делать за нее оставшиеся на этой грешной земле. Поговаривали, что вовсе ее и не расстреляли. А что она каким-то образом, стащив у Колчака все его золото, очень неплохо где-то устроилась, обрела семью...

Есть в ее судьбе некая «недоговоренность». Ну, вроде больная на всю голову. Пастушка. Дева-воительница. Есть сферы и области, в которые «разумная», «здоровая» добродетель никогда не сунется. Или речь о нереализованности незаурядной женщины в «мужское» время в «мужской» стране. А может, и нет никакого «синдрома героя». Есть просто герои?

Рубрика «Эхо»

...Его называли «Ташкентский лев». Он был человеком, с одинаковой легкостью покорявшим народы воинственной Азии и сердца людей. Неустрашимый, прямодушный, находящий время для каждого просителя – Черняев Михаил Григорьевич (1828-1898 гг.), русский генерал, герой Крымской войны и генерал-губернатор Туркестана.

[http://ru.wikipedia.org/wiki/Черняев, Михаил Григорьевич](http://ru.wikipedia.org/wiki/Черняев,_Михаил_Григорьевич)

Материал для рубрики подобрал Юрий Трунев

Рубрика «Галерея»

Осень в этом году балует разнообразием погод и пышным золотом лиственных ковров под ногами. Впечатления от осеннего Академгородка представлены слайд-фильмом, созданным Натальей Иванчевой.

Наталья Иванчева - друг нашего журнала, дама, приятная во всех отношениях. Похожа на большую темную розу. Фехтовальщица.

<http://www.youtube.com/watch?v=IPzQggHLInI>

Рубрика «Маленькие радости»

Нашлась в Интернете интересная ссылка – и глазу радость, и душе вдохновение...

Iron-Maiden-Art, псевдоним украинской художницы – мастера квиллинга - <http://www.liveinternet.ru/community/2332998/post136880205/>

В копилку семейных рецептов.

Мужчина и женщина – «Инь» и «Янь». Им никогда не понять друг друга. Но есть нечто, объединяющее эти противоположности: женщина готовит, а мужчина кушает... Попробуйте, вам понравится.

Салат " Белые цветы"

- 1 баночка нежного, мелкого горошка
- 300 г кальмаров (сваренных и очищенных)
- 1 груша (не очень мягкая)
- 1 банка консервированных ананасов
- майонез
- украсить «цветком» из ломтиков сыра

Рубрика «Событие месяца»

С 01 по 14 ноября 2010 в фойе Дома Ученых проходила выставка фоторабот Галины Чириковой «Тихая жизнь».

«Натюрморты Галины Чириковой напоминают чем-то натюрморты голландских живописцев - любовь к форме и материалу, к сущности вещей, хрупких и, увы, более долговечных, чем мы - люди. Ее мир – вазы, цветы, вещи – кажется самодостаточным, прекрасным, цельным, не нуждающимся в присутствии человека. Если бы не названия работ, краткие и поэтические, не глубокая и странная меланхолия, окутывающая все как туманом, мы бы любовались блеском стекла, сиянием фарфора, причудливостью цветов и стеблей, контрастом простого, обыденного и экзотичного, а не элегантной и утонченной душой автора...»

Л. Воронина

